

# Панантропея

## Pananthropea

### **Борzych С.В.**

Канд. филос. наук, доцент, безработный  
e-mail: c\_tac@ngs.ru

### **Borzykh S.V.**

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, unemployed  
e-mail: c\_tac@ngs.ru

### **Аннотация**

Данная статья предлагает взглянуть на существующие ныне материки не в качестве разделённых между собой океанами и морями, но в роли составляющих единого континента, который предлагается назвать Панантропеей. Подобное положение вещей, как показывается, было достигнуто техническими средствами и усилиями человека в последние несколько столетий, несмотря на то, что физически настоящая конфигурация этих массивов, обусловленная геологическими процессами, чуть ли не максимально отделила их друг от друга. На ряде иллюстраций демонстрируется оправданность этого обозначения, и приводятся аргументы в пользу наличия единой литосферной платформы, которая хотя сугубо материально и не представлена, но она стянута в целое стремлением людей общаться, перемещаться, обмениваться, путешествовать и т.д. Коммуникация между нами помогает поддерживать единство этого мира вопреки его раздробленности и расстояниям, которые в противном случае не дали бы нам и всем нашим попутчикам соприкоснуться между собой. Как следствие есть смысл оценивать текущее положение вещей не как что-то разрозненное, но как сшитое сооружёнными нами каналами связи в некое лоскутное одеяло, которое с полным правом может именоваться Панантропеей.

**Ключевые слова:** человек, общество, Земля, материк, техника, коммуникация, суперконтинент.

### **Abstract**

This article offers a glimpse on the continents that currently exist not as divided by oceans and seas, but in the role of components of a single continent, which is proposed to be called Pananthropea. This state of affairs, as shown, was achieved by technical means and human efforts in the last few centuries, despite the fact that the real physical configuration of these massifs due to geological processes almost alienated them from each other as much as possible. A number of illustrations demonstrate the validity of this designation and provide arguments in favor of the existence of a single lithospheric platform, which, although is not materially represented, is compounded by the desire of people to communicate, move, exchange, travel, etc. Communication between us helps maintain the unity of this world despite its fragmentation and distances that otherwise would not allow us and all our fellow travelers to touch each other. As a result, it makes sense to evaluate the current state of affairs not as something fragmented, but as sewn by the communication channels that we built into a kind of patchwork quilt, which can rightfully be called Pananthropea.

**Keywords:** human, society, Earth, landmass, technique, communication, supercontinent.

Как известно, конфигурация материков, а также их количество – и в меньшей степени их очертания – определяются тектоникой литосферных плит, которые – в упрощённом виде – плавают по мантии и взаимодействуют друг с другом. Сегодня континенты едва ли не максимально разобщены – за исключением разве что Индии, которая подползает под Евразию, а раньше была автономна – составляя привычный нам облик нашего мира, и во всём этом не

было бы ничего особо примечательного, если бы не одна деталь – а точнее их совокупность – которую в эту картину внесли и закрепили люди на протяжении последних нескольких столетий – о хронологии этого процесса вскоре. Если вкратце, то это перемещение – как нарочное, так и нет – ими и себя, и всего того, что хотя бы потенциально было мобильно, а это в свою очередь привело к образованию единого массива суши, несмотря на фактическую её раздробленность в географическом плане. Но вправе ли мы говорить об этом парадоксальном единстве в качестве отдельного специфического феномена с предложенным в заглавии названием? Этому вопросу и посвящён данный текст, но вначале о самой дефиниции.

Последний раз – это происходило и прежде и будет впредь – когда практически – крупнейшие совершенно точно – все эти блоки были сцеплены в целое, наблюдался в истории Земли несколько сотен миллионов лет назад, а сам этот комплекс получил наименование Пангеи. До этого вся кора аккумуляровалась в другие ансамбли, и сама эта динамика то связывала их, то дробила, но для данной работы это не критично, а важно следующее. Приставка «пан-» на древнегреческом обозначает «всеобъемлющий», а «антропос» – это «человек», и вместе они дают Панантропею, т.е. нынешний суперконтинент – не путать с тем, что порой так маркируют Африку с Евразией – который, однако, внешне этому статусу не соответствует. Можем ли мы, игнорируя эту композицию, считать, что сущностно – но не на всех уровнях, ради объективности – верна её противоположность, но не она сама?

Начнём с истории. Наши предки расселились по всей поверхности планеты уже тогда, когда у неё был текущий облик. Это потребовало преодоления либо водных преград, либо перехода через перешейки – когда те ещё были – но в конце концов – что-то около пятнадцати тысяч лет назад – мы очутились везде, включая в том числе и острова – но они были освоены позже. Антарктида по понятным причинам осталась нами нетронутой – но сегодня и она не избавлена от нашего влияния, равно как и Северный полюс, а также вообще едва ли не любой клочок земли, где бы тот ни был – но всё прочее пространство – и отчасти океанское, и это не упоминая искусственных платформ, дамб, сведённых болот и т.д. – нам покорилося, и, по крайней мере, несколько десятков лет – или дольше – оно представляет собой что-то если и не неразрывное, то сравнительно плотно слитое нашими неослабевающими, а то и интенсифицирующимися усилиями.

После того как человек попал в Новый Свет контакты между этими эмигрантами и их родиной в Азии прекратились как минимум до викингов, а то и до Колумба, и то же было верно для Австралии, вплоть до недавнего времени, и это не упоминая удалённых участков суши. Как бы то ни было, но Африка с Евразией продолжали поддерживать отношения как в силу наличия перешейка между ними, так и благодаря заинтересованности в этом тех, кто в них обитал, а все остальные материки были либо в изоляции, либо соприкасались слабо.

Всё изменилось в эпоху Великих географических открытий. Пусть это и несколько некорректное название, люди всё-таки узнали о существовании друг друга – и в Европе, которая была инициатором этого процесса, и там, где оказывались представители первой – и стали налаживать разнообразные потоки, без которых сегодняшний мир был бы непредставим. Нет даже нужды в том, чтобы перечислять все те обмены, которые состоялись – и продолжают производиться – из-за обнаружения нами всех континентов, как и их продукты и плоды, значимость которых сложно переоценить, а также вред и пользу, которые были вызваны всей этой активностью, не прекращающейся и поныне. Никогда в прошлом мы не были столь компактно спаяны, формируя по-настоящему единый организм, и это вопреки тому, что конфигурация материков этому не особо способствовала. И перед тем, как продолжать, два замечания.

Первое. Дальнейшее ни в коем случае не копирует идеи о глобальной деревне, текучей современности, глобализации, глокализации, кока-колонизации, макдональдизации и т.д. Все эти концепты по преимуществу носят критический характер, а если и не направлены на порицание и осуждение чьей-либо гегемонии или господства, подчинения или покорности – в чём бы те ни проявлялись – то всё равно менее масштабны, чем то, что предлагается ниже. Речь не о пропаганде, внушении, массовизации, гомогенизации, потребляестве, вестерниза-

ции, стандартизации, порабощении, доминировании и т.п., но о совершенно неожиданном итоге наших поступков, которые и технически, и культурно, и социально, и политически, и экономически, и даже физически – и как-либо ещё – создали единую структуру суши, хотя географически та раздроблена.

И второе, сопряжённое с предыдущим. Сразу нужно сказать, что для нас неважно, кто получал от этого выгоду, кто и как дал старт всему этому мероприятию, добровольно ли кто-то стал его участником, были ли от всего этого жертвы, как надо компенсировать потери и т.д. Ответы на эти вопросы нам знакомы или мы к ним близки, и нет смысла их тут повторять, потому что как бы всё это ни разворачивалось и ни переживается прямо теперь, назад нам не вернуться. Мы имеем дело с актуальным, а не с альтернативным или чем-то гипотетически исправимым, и наша реальность устроена так, а не иначе. Это не оправдание жестокости, мерзости, агрессии, насилия, тирании и т.д., но куда резоннее и разумнее попытаться понять то, во что мы погружены, а если как-то это и оценивать, то в рамках наличного или с позиции нашего сколь угодно вымученного и выстраданного единства, которое, кстати, и не завершилось. Мы – первый вид в истории Земли, который сумел своими действиями пойти против географии и в некоторой степени элиминировать её, породив новую её версию и победив или хотя бы переkreив старую. От этой отправной точки и оттолкнёмся.

Прежде всего надо подчеркнуть, что никто и ничто её, конечно, не отменили – наряду с климатом, расстояниями, сезонами, атмосферным давлением, погодой и т.д. Наша зависимость от неё никуда не исчезла – и вряд ли это предвидится – и мы вынуждены учитывать её, когда мы что-то делаем или хотим нечто получить, но благодаря своим знаниям, опыту и технологиям мы способны манипулировать ею в своих интересах, причём там, тогда и так, где, когда и как нам это не свойственно по природе. Рассмотрим вполне обыденную, а то и тривиальную – но тем она и показательна – иллюстрацию того, как это устроено и во что это выливается.

Сомнительно, чтобы в мире нашёлся человек, который хотя бы раз не пробовал картофель. Для многих он стал, был или есть, главным ингредиентом в их рационе питания, и мы нисколько не удивляемся этому клубню, когда его встречаем. Тем не менее, если вы не в Боливии – откуда он родом – то несколько странно видеть его у себя на столе, но он нередко на нём оказывается, что весьма примечательно. Мы выращиваем его всюду, где он даёт плоды, а это все пять континентов, но даже если где-то его не разводят – как, например, бананы – то его обязательно доставят покупателю, и это не говоря о его присутствии в культуре, от рецептов до символов.

Растения зачастую мигрируют на далёкие дистанции, но такая степень проникновения для них неестественна. Если бы не человек, то этот паслён ни за что бы не распространился по всему земному шару, но мы повседневно едим его, как и другие подобные продукты, либо откуда-то перемещённые, либо привезённые для возделывания. Мы воспринимаем это как само собой разумеющееся, но в этом немного натурального, как мало его и в том, что мы летаем по воздуху, общаемся на разных концах Земли, читаем книги и т.п.

Нормально для нас – это употреблять в пищу и контактировать с тем, что находится от нас в непосредственной близости. Охотники-собиратели добывали себе калории в своём окружении и взаимодействовали лишь с тем, с чем напрямую сталкивались, а если и покидали знакомые им территории, то в исключительных случаях, но при этом на новом месте опять превращались в локальных игроков с той же логикой бытия, что и на старом. Она прекрасно работала всё это время, и довольно долго ни города, ни цивилизации никак на этот порядок не влияли, и только после того, как европейцы устремились разведывать морские маршруты, всё это изменилось – предпосылки к тому были и раньше, но они не принимали столь выраженной рельефности. Что же с тех пор было преобразовано? Сперва о том, что почти никак не трансформировалось.

Никто не отрицает того, что мы, скажем, возводим теплицы или парники с тем, чтобы выращивать в них то, что на открытой почве или при иных условиях не растёт, как мы включаем кондиционеры для того, чтобы охладить или нагреть воздух в замкнутых помещениях, но

в целом мы и поныне включены в единую для всех живых существ систему, а если что-то в ней и корректируем, то частично и поверхностно, не нарушая сквозных для всего одушевленного принципов функционирования этого единства. Например, то, что мы хотим отправиться к другим планетам, вероятно, нас как-то и возвышает, но для этого мы должны заточить себя в скафандры и капсулы, ведь адаптированы мы к конкретной среде, которую нам и надо воспроизвести там, где её нет – а на том же Марсе соорудить какие-то купола или полнотью трансформировать его атмосферу. Т.е. все мы представляем собой сугубо местных созданий и ни на что более не предназначены. Всё это, однако, не мешает нам перекраивать то окружение, в котором мы себя обнаруживаем, и это как раз то, в чём мы за последние несколько столетий добились серьёзных успехов.

Возьмём в качестве иллюстрации Лондон – здесь подойдёт любой крупный город, аргументация будет та же, просто эта столица является одной из наиболее глобализированных. Длительность перелёта между ним и, скажем, Нью-Йорком составляет на данный момент в среднем семь часов – это массовые перевозки, частные судна добираются быстрее. Сугубо физически между этими локациями пролегает Атлантический океан, который разделяет Европу и Америку – а мы не водный вид, пусть и умеем плавать – но технически для современного путешественника его там нет, но есть два аэропорта, которые соединяют эти точки на карте.

Поместим за скобки, насколько удивительно всё это звучит. Больше пяти с половиной тысяч километров преодолеваются за столь короткий срок, и это при том, что мы практически ничего для этого не делаем, а всего лишь сидим в креслах. Тем не менее, куда важнее для нас то, что теперь эти два мегаполиса перестают быть географически изолированными, и это несмотря на то, что никто Северную Америку и Евразию не сближал. Достаточно пройти все процедуры и занять себя на этот промежуток, и всё, мы в пункте назначения, который при другом раскладе был бы для нас почти недостижим.

То же с продовольствием, одеждой, развлечениями, в какой-то степени услугами, материалами и сырьём, культурными артефактами и т.п. Вне зависимости от того, где они были произведены или добыты, их обязательно доставят туда, где на них есть спрос, а потому в восприятии англичанина или американца никаких расстояний больше нет или же они сведены к минимуму, который никто особо и не принимает во внимание. Т.е. нет больше разрозненных материков, но присутствует единый массив суши, который к тому же сжат мостами, дорогами, туннелями, перевалами, виадуками, морскими и авиамаршрутами, газо- и нефтепроводами, метро, подземными коммуникациями, линиями электропередачи, оптоволоконными кабелями, вышками связи, системой глобального позиционирования, спутниковыми тарелками, а по обеим – или по большему числу – сторонам этого порты, вокзалы, те же аэропорты, доки, логистические центры, хранилища, станции, супермаркеты и т.д.

Сегодня нет никакой нужды в том, чтобы даже самому куда-то ехать. Дело не в том, что мы живём в цифровой век – любая деятельность онлайн всё-таки эрзац, но и она, конечно, также нас сцепляет – но в том, что отпала надобность передвижения на длинные дистанции в силу того, что мы наладили транспортное сообщение между всеми континентами, насколько бы они ни были отдалены друг от друга. Да, сами эти пути не всегда прямые – что обусловлено как раз ландшафтом и его особенностями – но в большинстве своём мы этого и не видим, но зато мы непосредственно сталкиваемся с товарами со всего света, причём каждый день.

Никто не спорит с тем, что не все места на Земле в равной степени вписаны в эту новую географическую реальность. Если они труднодоступны – нашими средствами или с помощью нашего снаряжения – неинтересны, опасны, губительны, рискованны, заражены, токсичны и т.д., то они искусственно отгораживаются или оттесняются на периферию, что в итоге превращает их в задворки цивилизации, и нет разницы, какие нас разделяют отрезки. Скажем, Эверест пусть и труден для покорения, посещается довольно часто, а какое-нибудь болото, которое лежит чуть сбоку от основных магистралей, редко достаивается такой чести. Т.е. дистанции и уменьшаются, и увеличиваются, но это почти никак не связано с каче-

ствами точек, которые они соединяют, и всё определяется нашими взглядами на целесообразность подобных и компрессии, и её антипода.

Примечательно, что этот новый суперконтинент, который включает в себя все – в отличие от литосферной коры, мы внесли в этот реестр и множество островов, на что тектоника плит не способна – актуальные, подчиняется в своей динамике тем же правилам и законам, что и настоящие массивы, за вычетом разве того, что это мы управляем – не всегда, однако, сознательно, по умолчанию это спонтанные решения и их воплощения – этими процессами, а не природа. Т.е. конфигурация данного материка постоянно флуктуирует, корректируя отрезки между пунктами и их облик, и задаётся по преимуществу культурными соображениями и ценностями – а это и экономика, и политика, и социальные вопросы, которые мы исповедуем.

Скажем, Шэньчжэнь – редактор Word до сих пор его не знает, подчёркивая красным – когда-то был вне торговли и чуть ли не за рамками цивилизации, но сегодня довольно сложно представить себе мир без него, но в том и фокус, что он превратился в крупный город и огромную фабрику совсем недавно, а до того даже и для Китая был глухой провинцией. Его притянули к основной массе буквально несколько десятилетий назад, и теперь он прочно – но сколько это продлится никому неизвестно – закреплён в главном составе среди если и не ведущих игроков, то в близком к тому амплуа.

Разумеется, это работает и в обратном направлении. Когда-то, например, Детройт был автомобильной столицей не только США, но и всего мира, однако во второй половине двадцатого века он этого статуса лишился и теперь являет собой довольно жалкое подобие своего бывшего величия. На фоне того же поднебесного своего визави это резкое удаление от всех потоков, и пусть насовсем он из этой схемы не выпал, контраст между прошлым и будущим налицо со всем тем, что из этого вытекает.

Данная логика действует и в отношении отдельных районов, территорий, ниш, сегментов, секций, округов и т.п. Расцвет и упадок в этой сфере ничем и никак не предопределены, но, самое главное, не заданы навеки, и бифуркации здесь не менее рельефны, чем с как более объёмными образованиями, так и теми, что поскромнее. Это живое полотно, и оно никогда не застывает в какой-нибудь одной личине, какой бы осмысленной и рациональной она нам ни казалась в некоторой своей фазе. Те чередуются и наполняются новым содержанием, что бы это для них и для нас ни значило.

Касается это и концентрации суши на некоем периметре. Как Гималаи образовались из-за столкновения Евразии и Индийского субконтинента, так и мегаполисы поглощают пригороды или притягивают к себе локации, которым вовсе не обязательно быть рядом. Нет никаких сомнений в том, что контакты между теми же Лондоном и Нью-Йорком гораздо многочисленнее, и они насыщеннее, чем между какими-нибудь провинциальными уездами, и не только потому, что в первых живёт больше людей – тут всегда можно говорить о пропорциональности – но и оттого, что всё стягивается неодинаково, но в зависимости от того, что мы считаем нужным и важным – а также из-за положительных и отрицательных обратных связей, которые пронизывают эту картину снизу доверху. Как и в геологической летописи мы воспринимаем сиюминутную композицию как нечто естественное, но она такова исключительно в этот момент и ни в какой иной.

К сожалению – или к счастью – но предсказуемости в этом довольно мало. Вряд ли кто-нибудь сумел бы предположить ещё сто лет назад, что Кремниевая долина превратится в магнит – помимо прочего, и сугубо физический – для компаний и людей из сферы информационных технологий, но сегодня это выглядит как что-то само собой разумеющееся, что не нуждается в оправдании и объяснениях. Штат Калифорния должен быть таким, и это бесспорно, но только сейчас и здесь. Ни до, ни после это ничем и никак не гарантировано, что подтверждает та же иллюстрация с Детройтом.

Конечно, в огромной степени всё это отталкивается от обстоятельств, когда какие-то события на время – или навсегда – как возносят, так и низвергают какие-то локации со всем тем, что этому сопутствует. Мы верим, что привычная нам архитектура была с нами чуть ли

не зоны, но это видимость, и достаточно взглянуть на историю, чтобы в этом убедиться. Мы мнём земной шар словно он пластилиновый или глиняный и творим из него причудливые фигуры, но любая их них скоротечна и существует до тех пор, пока нам это надо. В этом плане, во-первых, нет ничего завершённого, и в этом географическая аналогия весьма кстати, а, во-вторых – и это с ней расхождение – и темп этих метаморфоз кратно, а то и на порядки выше, и сами схемы если чему-то и подчиняются, то не бессрочно предписанному, а чему-то эфемерному, что и само подвержено манипуляциям над собой.

Вместе с тем, было бы ошибкой не заметить, что сама наша реальность становилась – по меньшей мере, доныне – всё более пористой, плотной, скрученной. Никто не отрицает того, что от этого не воцарилось равенство между нами, но хотя бы потенциально все мы в состоянии оказаться там, где мы и хотим, а не там, что нам более доступно. Это не отменяет фактора денег – nepoтизма, режима преференций, принадлежности к какой-то группе, разницы стартовых условий и т.д. – и их наличия – как и количества – но если им – а точнее их совокупностью – пренебречь, то на планете почти не осталось точек, которые бы не были никак связаны со всеми остальными. Да, какие-то нити слабее и ненадёжнее, а прочие стальные и толстые, но капитально едва ли не всё соединено со всем. И метафорически, и материально это сжимает нашу действительность, закручивая её в спираль, и теперь все мы, где бы мы ни пребывали, сцеплены со всеми.

Опять же это ни в коем разе не страховка от того, что однажды весь этот пузырь не лопнет. Как показывают пандемия вируса, экономические санкции, приостановка сообщений, прямое разрушение инфраструктуры, все эти сочленения довольно легко – но не безболезненно и бесплатно – обрубить, введя карантин – или его аналог – и изолировав едва ли не все страны друг от друга, но это не разрушило Панантропею, а лишь ослабило её, и какое-то её восстановление непременно случится. Мы слишком зависимы друг от друга, чтобы отказываться от кооперации, тем более, что последняя буквально вписана в нашу природу, а наш вид и состоялся благодаря ей.

Если не произойдёт ничего страшного и ужасного, то есть все основания считать, что сотрудничество будет только укрепляться, а связи между нами окажутся ещё более плотными, насыщенными, содержательными, интенсивными, частыми. Было бы заманчиво заявить в этом плане, что они также продемонстрируют качественный рост, но если он и маячит на горизонте, то какой-то неубедительный, что подтверждается прошлыми нашими стараниями на этом поприще. Да, мы стали лучше понимать и себя, и чужих, и это было в том числе вызвано этим диалогом, а то им конституировано и фундировано, но предрассудки, пристрастность, предвзятость, шовинизм, остракизм, сепаратизм, провинциализм, сектантство, местечковость мышления никуда не делись и продолжают быть столь же злободневными, острыми, глубокими, насущными – если не более – как и раньше. Никто не отрицает некоторого прогресса в этой плоскости, но до полного принятия постороннего крайне далеко, хотя какая-то надежда на это есть.

Куда более резонно ожидать количественного увеличения этой коммуникации со всем тем, что она в себе содержит. Мы видим, как ширится число пользователей Интернета, смартфонов, даже электричества и водопровода, всё больше людей путешествуют по миру, покупают товары, которые прежде им были недоступны, удлиняют реестр своей потребительской корзины, внимательно следят за своим здоровьем и т.д. Всё это сопряжено с сугубо физическим стягиванием пространства, отчего то становится всё меньше и доступнее в разных своих точках и локусах, и пока нет признаков того, что эта тенденция куда-то и как-то разворачивается.

Вместе с тем нужно также отметить, что эта динамика не уничтожает расстояния на корню. Многим кажется, что, например, информационные технологии элиминировали дистанции тем, что они работают мгновенно и синхронно, т.е. при обращении к ним мы действуем одновременно, и так оно отчасти и есть, но проблема в том, что разрыв между нами при этом всё равно сохраняется, как бы мы ни притворялись, что его больше нет. Если нас не погрузить в виртуальную реальность, которая бы полностью копировала ту обстановку, в которой

пребывает наш собеседник, мы останемся там и с тем, где и с чем мы непосредственно соприкасаемся, и то же самое верно и для нашего визави, где бы мы оба ни находились. Вероятно, симуляция как-то и когда-то это исправит, но от этого она не прекратит быть собой, а потому симультанность на ландшафт никак не воздействует.

Кроме того, нам всегда доступно лишь то, что нам предлагают, и это никакой не трюизм. Загвоздка в том, что хотя мы и сократили бреши между нами и сшили мир в единое целое, но от этого он не превратился для нас в точку, более того, всё ещё достаточно велик, а для некоторых и огромен – а то и неприступен. Так, например, известно, что раньше самолёты летали быстрее, но их скорость была намеренно снижена ради экономии топлива, да и сверхзвуковой Конкорд никто не отменял. Потенциально мы могли бы сблизиться друг с другом гораздо сильнее чем теперь – и, ради объективности, это ещё произойдёт, поезда на магнитных подушках, полёты в космос, усовершенствование той же коммуникации обязательно этому поспособствуют – даже и с нынешними нашими инструментами и снаряжением, но мы не делаем этого, причём и по финансовым, и по культурным соображениям.

Последнее чрезвычайно важно, ведь оно показывает, что мы ведём себя крайне выборочно по поводу того, кого, как, когда, на каких условиях и т.д. включать в наш глобальный клуб. Как уже подчёркивалось, существует динамика сдвигов этих метафорических литосферных плит, но тут мы имеем дело не с ней, а с нашими предпочтениями и склонностями, а те не всегда даже учитывают и согласуются с наличным положением вещей. Яркая иллюстрация тому – это Европа, которая стянута куда сильнее, чем, скажем, страны южнее Сахары, и это не оттого, что на этом аппендиксе самого большого континента проще было этого достичь, но из-за неравного распределения богатства в мире, которое и выливается в данные диспаритет и диспропорции. Т.е. Африка во многом продолжает быть для всех остальных эдаким белым пятном на карте, хотя непреодолимых препятствий для её инкорпорации в целое нет. Увы, но это касается не её одной, и оттого где-то мы наблюдаем что-то густое, а в другом месте нечто разреженное без явных – кроме наших предпочтений – на то причин.

Наконец, надо указать на то, что мы перекроили значительную часть суши под свои вкусы и нужды. Пусть это и не предало забвению географию – в некоторой степени это всё-таки приключилось, достаточно вспомнить о тех же мостах, отвоёванных у моря землях, осушении болот и т.д. – оно её серьёзно перестроило, и если мы и не устранили все препятствия для перемещения всего того, что мы хотели – т.е. и себя, и материалов, и товаров, и услуг – то отныне она куда более к нам благожелательна, чем это было в прошлом. По сути, мы выровняли все её неровности и шероховатости – особенно это заметно на примере дорог – или, наоборот, соорудили выступы и выпуклости там, где это было нами востребовано – неважно, по каким причинам – и хотя это не затронуло основных объектов во всей их полноте нельзя не признать, что мы связали если и не всё со всем, то главные, как нам это представляется, узлы в единую схему, которой в норме не было бы, если бы мы над ней не потрудились.

И ещё одно. Своей бурной активностью мы не только сократили расстояния, но и трансформировали если не геологию, то её производные. Так, скажем, по нашей вине уже случаются землетрясения, оползни, провалы грунта, лавины, затопления, смерчи и т.п. – и это не говоря о нарочно организовываемых нами взрывах, создании искусственных водоёмов, сведении тех же болот, перенаправлении рек, возведении насыпей, прокладки туннелей и далее по тому же списку – а это делает нас игроками планетарного масштаба со всем, что отсюда вытекает. Но что всё это значит?

Есть определённые доводы в пользу того, чтобы рассматривать нашу эпоху как Антропоцен, и тому имеются серьёзные аргументы, но бесспорно то, что человек своей деятельностью уже какое-то время назад технически объединил все материки, причём не только и не столько для себя, но и для всех – или для большого количества – животных, растений, птиц, простейших и т.д. Скажем, кролики и верблюды были завезены в Австралию, эвкалипты – на все пять континентов, и это не упоминая собак, кошек, крыс, голубей и т.д. То же и с тем, чем мы питаемся, из чего шьём, строим, экстрагируем, а равно и вообще со всем, что и кого мы эксплуатируем. Как это ни парадоксально, но при наиболее разрозненной конфигурации

континентов мы умудрились связать их воедино, и это образование с полным правом должно называться Панантропеей в честь тех, кто её и создал. Да, внешне они разделены океанами, но сущностно последние – это внутренние моря, испещрённые к тому же многочисленными маршрутами, разрезающими их вдоль и поперёк. Над этим также парят самолёты, и вместе с кораблями они стягивают весь земной шар в плотный клубок нашей коммуникации, для которой если и сохранились какие-то преграды, то мы их либо сгладили, либо преодолели. Мы и вправду жители одной планеты, а, кроме того, сплошного массива суши, который если и не выглядит так, то и по своему смыслу, и в корне является если и не сплошным, то содержит в себе кучу перешейков там, где природой они не были предусмотрены.

Как выясняется, нам ни к чему ждать миллионы лет, которые отделяют нас от аналога Пангеи в будущем, и для нас не помеха, что географически всё столь расколото, ведь мы сумели сплавить весь мир своими силами и инструментами. Разумеется, мы не проигнорировали особенности местности и береговой линии, но они перестали быть для нас критичными, а если и вмешиваются в наши планы, то корректируя их, а не сводя на нет. Скорее мы подчинили их своей воле, заставив нас слушать – и слышать – и получили то, к чему и стремились, а именно суперконтинент, который включает в себя едва ли не всю поверхность нашей планеты.

И в завершение. Думается нет прока говорить о том, что без нас материка снова разойдутся по своим местам, утратив все те каналы, которые ныне их сцепляют. Вся эта слитность покоится на нашей непрерывной работе по сшиванию этого лоскутного одеяла во что-то для нас утилитарное – каковы бы ни были у него критерии – и если мы прекратим этим заниматься, то нити и стежки быстро порвутся в силу самой природы вещей. Собственно, ещё несколько столетий назад так оно и было, и лишь мы и были в состоянии изменить эту картину. Это дополнительный довод в поддержку наименования Панантропея, ведь никто другой бы с этой задачей не справился, а мы столь блестяще – насколько могли – с ней совладали. И пусть сегодня мы граждане разных государств со своими культурами, материк у нас на всех один, и как бы слабо мы ни были с ним спаяны, для каждого из нас найдётся тропинка, по которой мы способны в буквальном значении этого слова пройти, чтобы попасть туда, куда нам заблагорассудится. Проливы, воды, горы, ущелья, разломы теперь отсутствуют, а вместо них перед нами расстилается огромное пространство твёрдой почвы под ногами, по которой мы и шагаем в выбираемых нами направлениях во все четыре стороны.

## Литература

1. *Cross S., Proctor R.N.* Packaged Pleasures: How Technology and Marketing Revolutionized Desire. 1st Edition. – University of Chicago Press, 2014. – 336 pp.
2. *Dartnell L.* Orígenes: Cómo la historia de la Tierra determina la historia de la humanidad (Ciencia y Tecnología) (Spanish Edition). – DEBATE, 2019. – 400 pp.
3. *de Blij H.* Why Geography Matters: More Than Ever. 2nd Edition. – Oxford University Press, 2012. – 368 pp.
4. *Diamond J.* The World Until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies? 1st Edition. – Viking, 2012. – 512 pp.
5. *Humes E.* Door to Door: The Magnificent, Maddening, Mysterious World of Transportation. – Harper Perennial; Reprint edition, 2017. – 384 pp.
6. *Kaplan R.D.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. 1st Edition. – Random House, 2012. – 432 pp.
7. *Pinker S.* Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. 1st Edition edition. – Viking, 2018. – 576 pp.
8. *Ritzer G.* The McDonaldisation of Society: Into the Digital Age (NULL). 9th Edition. – SAGE Publications, Inc, 2018. – 280 pp.
9. *Ritzer G., Dean P.* Globalization: A Basic Text. 2nd Edition. – Wiley-Blackwell, 2015. – 552 pp.

10. *Vogel S. Why the Wheel Is Round: Muscles, Technology, and How We Make Things Move.* 1st Edition. – University of Chicago Press, 2016. – 344 pp.